

Хосе Марти: художник-пророк и герой-революционер, опередивший свое время

«Круглый стол» на международном семинаре, посвященном 160-летию со дня рождения Хосе Марти, прошедшем на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова 28 марта 2013 г., стал важным событием культурной жизни Москвы. Среди его участников помимо российских испанистов и латиноамериканистов, представляющих как академическую, так и вузовскую науку, были и представители посольств Кубы, Уругвая, Гватемалы, Венесуэлы, Колумбии, Коста-Рики и Никарагуа, творческая интеллигенция России и перечисленных стран, средства массовой информации. В дискуссии о жизни и деятельности Хосе Марти выступили послы латиноамериканских государств, а также ведущие и молодые испанисты России. Организатором семинара и «круглого стола» стали кафедра иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ и Центр иберо-романских исследований (руководитель — профессор Ю.Л.Оболенская).

Предлагаем вниманию читателей выступления участников семинара.

Ключевые слова: политическая деятельность, художественное творчество, кубинская литература, взаимодействие культур.

АЛЕХАНДРО СИМАНКА МАРИН, советник посольства Кубы в РФ, заместитель главы миссии

В первую очередь от лица всего посольства Республики Куба я хотел бы поблагодарить д-ра филол. наук Ю.Л.Оболенскую, а также всех преподавателей кафедры иберо-романского языкознания за организацию этого замечательного мероприятия, посвященного 160-летию со дня рождения Хосе Марти. Мне также крайне приятно видеть здесь ученых, послов и дипломатов, чье присутствие еще раз доказывает, что светлые идеалы, которые исповедовал Марти, продолжают жить не только в Латинской Америке, но и здесь, в России.

Для нас, кубинцев, говорить о Марти значит говорить о чем-то очень близком и созвучном нашей душе. В одном коротком выступлении сложно изложить, как много значит эта фигура для истории Кубы, ее прошлого и ее настоящего. Марти для нас — больше, чем просто человек, больше, чем просто герой. Это — личность, максимально полно реализовавшая себя в историческом моменте, что сделало его самым великим из всех кубинцев. Для нас он навсегда остался «учителем» — ведь именно так мы привыкли его называть.

Без сомнения, именно Марти мы обязаны формированием национального кубинского самосознания. Если кубинец захочет найти стихотворение, фразу или пассаж, наиболее полно выражающий или подтверждаю-

ший его собственные мысли, неважно, идет ли речь о любви, дружбе, солидарности и справедливости, человеческом достоинстве, красоте в высшем смысле этого слова, Родине или Латинской Америке, — он обратится к поэзии Марти. Даже наше представление о других народах, в том числе и о русском, во многом продиктовано тем, что говорил о них Марти. В связи с этим можно вспомнить, как верно он писал о русской душе, насколько сильно на него повлиял романтизм поэзии Пушкина и какое впечатление произвели на великого учителя картины Верещагина.

Марти родился 160 лет назад, 28 января 1853 г., на улице Паула в Старой Гаване, в доме, который всем нам известен как «домик Марти». В то время повсюду в Латинской Америке росло стремление к свободе, подкрепляемое высокими идеями Боливара, Идальго, Сан-Мартина, Хуареса и Сукре. На самой Кубе, в теснейшей связи с зарождением национального самосознания, назревала первая война за независимость, которая и началась в 1868 г. под руководством Карлоса Мануэля де Сеспедеса. Если к этому добавить давление со стороны испанской короны, стремившейся удержать свою последнюю колонию в Карибском бассейне, а также тот факт, что Куба стала одной из последних стран, где было отменено рабство (только в 1880 г.), мы получим картину того, насколько напряженной была борьба кубинцев за свои права.

Фигура Марти для нас олицетворяет собой весь этот исторический процесс. Уже в возрасте 16 лет будущий «учитель» оказывается на каторге, пострадав за свободомыслие. Именно к этому времени относятся слова, обращенные Марти к матери:

Mírame, madre, y por tu amor no llores:
Si esclavo de mi edad y mis doctrinas,
Tu mártir corazón llené de espinas,
Piensa que nacen entre espinas flores.

Мать, на меня взгляни и вытри слезы:
Я молод, я пошел опасными тропами,
Наполнил сердце я твое шипами,
Но верь, и среди шипов родятся розы.

Перевод Р.Похлебкина

Начиная с этого момента, Марти посвятит всю свою жизнь борьбе за независимость Кубы. В 1892 г. он создает Кубинскую революционную партию, под его руководством начинает издаваться газета «Patria». Марти становится символом борьбы за независимость, и его смерть — высшее проявление этого героического призвания: он мог умереть только так, 19 мая 1895 г., с мачете в руках, сражаясь за свободу своего острова.

Разумеется, Марти — не только мыслитель и политик, он еще и один из величайших испано-американских поэтов, и именно его творчество открывает дорогу модернизму — литературно-культурному движению, в рамках которого Америка подарила Европе новые художественные идеалы.

Марти оставил после себя такие поэтические сборники, как «Исмаэлильо» (1882), в котором уже чувствуется дыхание нового века; «Свободные стихи» (1878—1882); «Золотой возраст» (1889) и «Простые стихи» (1891), очень личные и в то же время по-настоящему народные. Кроме того, его перу принадлежат эссе и брошюры на самые разные темы, в том числе революционного характера («Политическая тюрьма на Кубе» (1871), «Манифест Монте-Кристи»

(1895), он автор многочисленных дневников. «Полное собрание сочинений» Марти 1963—1965 гг. включает 25 томов.

Чтобы у вас сложился максимально полный образ Хосе Марти, я приведу в пример слова двух кубинских интеллектуалов и революционеров, которые знали его лично. Энрике Кольясо отзывается о Марти следующим образом: «Невысокого роста, худой, само движение: талант его широк и подвижен, а разум быстр и всеобъемлющ; темперамент утонченный, борец за свободу и неутомимый путешественник; он знал мир и людей, всегда владел собой и был приветлив, ласков, внимателен, всегда готов принять страдание за своего ближнего: опора слабого, учитель незнающего, защитник и любящий отец всем несчастным; аристократ по своему вкусу, привычкам и традициям, демократ в высшем смысле этого слова».

Еще один кубинец, Гонсало де Кесада и Миранда, вспоминает следующее: «Одевался он неброско, но опрятно: костюм и галстук всегда черные, в знак траура по угнетенной Родине. Также он носил железное колечко, которое было при нем в тюрьме. На нем была выгравирована надпись «Куба». Его сразу можно было узнать — по особой приветливости, манерам, речи, взгляду».

Марти — человек в самом универсальном смысле этого слова, человек, максимально приблизившийся к идеалу человека. Каждый раз в попытке осознать нашу историю, проследить за развитием кубинской революции мы обращаемся к этой фигуре. Невозможно помыслить само существование Латинской Америки, «нашей Америки», как писал Марти, в отрыве от этого идеала. Стоит только вспомнить слова самого Марти: «Я сын Америки, ей всем я обязан. Америка — это долина, развитию, обновлению и немедленному укреплению которой я посвящаю свою жизнь».

Г.Э.МЕНЕСЕС КОРОНАДО, посол Республики Гватемала в РФ

Эпоха Хосе Марти — это время освободительных движений в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, время рождения нового понимания того, каким должно быть государство и что такое истинная демократия. Для меня как для гватемальца говорить о Марти значит говорить о его просветительской деятельности в качестве преподавателя и о той любви, которую ему было суждено испытать, живя в Гватемале.

Марти приезжает к нам в возрасте 24 лет, и его пребывание в нашей стране нельзя назвать продолжительным — с 26 марта 1877 г. по 27 июля 1878 г. Тем не менее, по утверждению биографов, для Марти это очень значимый период, в течение которого происходят важнейшие события не столько в политической, сколько в литературной и личной жизни кубинца.

Можно назвать целый ряд причин, по которым Марти оказывается в Гватемале. Я упомяну две из них: одну, признаваемую всеми, и вторую, относящуюся, скорее, к разряду моих личных предположений. Хосе Марти покидает Мексику в связи с приходом там к власти генерала Порфирио Диаса. Незадолго до отъезда Марти отправляется на Кубу, чтобы подготовить возвращение родителей. Там он встречает Фермина Вальдеса Домингеса, гватемальца, благодаря рекомендациям которого знакомится с президентом Гватемалы Хусто Руфино Барриосом, бывшим учеником Вальдеса Домингеса, который приглашает Марти в Гватемалу.

Вторая причина, как мне кажется, заключается в том, что Марти чувствовал, что, поскольку Гватемала, как и другие провинции Центральной Америки, добилась независимости от Испании еще в 1821 г., то именно там ему удастся встретить наиболее искреннее сочувствие и заручиться поддержкой в осуществлении своей мечты — освобождении Кубы.

Вскоре по приезде Марти знакомится с Хосе Мариа Исагирре, тоже кубинцем, участвовавшим вместе с Мануэлем де Сеспедесом в революционном движении на Кубе. Вынужденный покинуть Остров Свободы, Исагирре обосновался в Гватемале, где открыл Нормальную школу, став ее директором. Исагирре, уже знакомый с творчеством Марти, предлагает ему должность преподавателя, а впоследствии оказывает финансовую поддержку Кубинской революционной партии. Кроме того, Марти знакомится с генералом Мигелем Гарсиа Гранадосом, бывшим президентом Гватемалы. Его дочь, Мария Гарсиа Гранадос, становится прототипом «девочки из Гватемалы» из сборника «Простые стихи». Именно ей Марти посвящает следующие строки: «... era su frente — ¡la frente / que más he amado en mi vida!», — и она действительно умирает от любви, поскольку Марти, как и возлюбленный «девочки из Гватемалы», возвращается из очередной поездки в Мексику женатым, вступив в брак с Кармен Сайас Басан.

В это же время Марти сводит знакомство с кубинским поэтом Хосе Хоакином Пальмой, автором национального гимна Гватемалы, чьей поэзией Марти, обычно не очень щедрый на похвалы, открыто восхищается.

Позвольте мне упомянуть один интересный факт, иллюстрирующий те уникальные отношения, которые связывают Гватемалу и Кубу через фигуры Хосе Марти и Хосе Хоакина Пальмы. До прибытия в Россию я занимал должность посла Гватемалы на Кубе, и в знак тесной связи между нашими народами мы решили открыть площадь, посвященную авторам слов и музыки нашего национального гимна, т.е. Хосе Хоакину Пальме (кубинцу) и Рафаэлю Альваресу Овалье (гватемальцу). Площадь была открыта в 2010 г. в одном из лучших жилых кварталов Гаваны, и на открытии присутствовали праправнучка Пальмы, Ана де Мендес, и двоюродный внук Альвареса Овалье, ваш покорный слуга.

Следующим шагом должно стать открытие площади в честь Хосе Марти, которое состоится уже в этом году. Это площадь будет посвящена любви, в честь «Девочки из Гватемалы», и просветительской деятельности Марти, ведь он преподавал не только в Нормальной школе, но и в Гватемальском университете Сан-Карлоса.

АНИБАЛЬ КАБРАЛЬ СЕГАЛЕРБА, посол Восточной Республики Уругвай в РФ

Мне как послу Республики Уругвай представляется заслуживающим особого внимания тот факт, что Хосе Марти, будучи героем Войны за независимость Латинской Америки, поэтом, писателем, интеллектуалом, был еще и великим дипломатом. Он не мог трудиться на этом поприще на Кубе, поскольку, к сожалению, на тот момент Куба еще не обладала статусом независимого государст-

ва. Сложно представить себе большую честь для Уругвая, чем быть представленным на международной арене фигурой Хосе Марти.

Интересно проследить, как именно Марти стал консулом Уругвая. В 1884 г., проживая в Нью-Йорке, Марти сближается с Энрике Мариа Эстрасуласом, исполняющим обязанности консула Уругвая. Впоследствии по рекомендации Эстрасуласа консулом Уругвая в Нью-Йорке назначают самого Марти, и эту должность он будет занимать с 16 апреля 1887 г. по 3 марта 1892 г. Обратите внимание, перед нами совершенно необычный случай: консулом Уругвая назначен кубинец. Это говорит о высоком уровне доверия, оказанном Марти, и об абсолютном признании его как личности, поэта и революционера.

В 1899 г. по указанию правительства Уругвая Марти включен в делегацию, отправившуюся в Вашингтон, чтобы принять участие в первом заседании Пан-американской конференции. В составе этой делегации Марти присутствует на Валютной конференции, восемь сессий которой состоялись 7—8 апреля 1891 г. Что касается личного участия Марти, то именно ему было поручено подготовить доклад, освещающий позицию США по отношению к странам Латинской Америки. Этот доклад, в котором Марти показал, что вся конференция в целом служила интересам США, был одобрен комиссией и принят единогласно.

По словам Марти, «экономический союз» с Америкой привел бы к политической зависимости. Позже, в статье под названием «Валютная конференция американских государств» Марти утверждает: «Ни союз с Америкой против Европы, ни союз с Америкой против Америки. Географическая близость не обязывает к политическому союзничеству. (...) Если союз — то со всем миром, а не с одной его частью; и уж тем более не с одной его частью против другой». По этим словам видно, что Марти опасался, что Латинская Америка может превратиться в еще одну зону влияния Соединенный Штатов. Насчет такой перспективы он прозорливо замечал, что в таком случае «пришлось бы объявить еще одну войну за независимость Латинской Америки, на этот раз — чтобы спасти ее от США».

Следует отметить, что Марти был искренне признателен Уругваю за оказанное ему доверие. Вернувшись из Вашингтона, он в очередной раз продемонстрировал свою честность и принципиальность, отказавшись от оплаты дорожных расходов — при том, что сам жил исключительно скромно, — считая себя полностью вознагражденным честью представлять интересы Уругвая в частности и Латинской Америки в целом.

Как выразился председатель Академии истории Кубы 12 марта 1948 г. Дон Эметрио Сантовениа, именно благодаря Уругваю Марти вошел в мировую историю не только как глубокий мыслитель, выдающийся писатель и великолепный оратор, но и как видный политический деятель. Но, разумеется, главной целью Хосе Марти было освобождение Кубы, именно это занимало его мысли и руководило его поступками. В 1892 г. настал момент, когда ему пришлось отказаться от работы в консульстве Уругвая, что он и сделал, признав себя навеки сыном уругвайского народа.

Сражаясь за освобождение Кубы, Марти сражался за будущее всей Латинской Америки, и Уругвая в том числе. Четыре года спустя, 19 мая 1895 г., в битве у Дос Риос Хосе Марти сложит голову в борьбе за независимость своей страны. По словам историка Хуана Пивеля Девото, «с этого момента память о Марти навеки соединилась с памятью о его преданности Родине, Уругваю и Америке».

В Уругвае мы регулярно проводим торжества, посвященные Хосе Марти. Отдельно хочется вспомнить празднование 1914 г., когда президент Уругвая Хосе Батлье-и-Ордоньес выразил свое почтение Марти, «выдающемуся сыну Кубы и Америки, великодушно называвшему Уругвай своей

второй Родиной и служившему ей верой и правдой». В тот день к памятнику Хосе Марти в Гаване была прикреплена памятная табличка со словами благодарности великому кубинцу от уругвайского народа.

В 1916 г. министр иностранных дел Бальтасар Брум, выступая на торжественном присвоении одной из улиц района Поситос имени Хосе Марти, сказал: «Фигура Хосе Марти раз навсегда связала нас с Кубой. Именно на Кубе родился приемный сын нашей Родины, о ее свободе и величии он радел больше всего, ее поэтом и воином он был, и именно за нее он пал последней жертвой борьбы за свободу стран Латинской Америки».

Марти по праву занимает столь особенное место в истории латиноамериканской борьбы за независимость. И конечно же его литературная деятельность, сделавшая его писателем и поэтом не менее известным, чем революционером, тесно связана с его представлениями о гуманизме и долге перед Родиной.

Марти, так же, как Симон Боливар, Сан Мартин, Хосе Артигас, — гораздо больше, чем просто национальный герой. Величие его гения стирает все географические и политические границы. Наша Родина стала его Родиной, и не только потому, что все мы — дети Латинской Америки. Марти и Уругвай связывают совершенно особые отношения, отношения самой настоящей любви и доверия, которыми мы, уругвайцы, не перестаем гордиться.

Ю.Л.ОБОЛЕНСКАЯ, доктор филологических наук, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ

В России каждому с рождения известно, что Пушкин — это *наше все* и навеки, также известно и кубинцам, что Хосе Марти — это навсегда *кубинское все* и *апостол революции* для всей Латинской Америки. Марти оставался национальным героем Кубы даже во времена проамериканских диктаторов; он стал центральной фигурой национальной литературы в конце 80-х годов XIX в. и по сей день по праву считается одним из основоположников кубинской литературы, политическим деятелем, философом и поэтом номер один. Имена двух этих великих национальных и народных поэтов, патриотов в высоком смысле этого слова, борцов против рабства, за человеческое достоинство и духовную свободу занимают особое место не только в истории наших стран. Однако сейчас я хочу рассказать не о том, что роднит творчество и жизненные позиции двух поэтов, а о газетной публикации Хосе Марти (тогда молодого 27-летнего поэта и журналиста, к тому времени пережившего каторгу и изгнание и при этом получившего прекрасное гуманитарное образование в Испании), в которой Марти попытался оценить значение творчества и личности Пушкина для России и мира, но при этом выразил свои представления как о роли поэта в обществе, так и о назначении поэзии вообще.

Эта статья называется «Пушкин», и она была опубликована в нью-йоркской газете «The Sun» 28 августа 1880 г. Дело в том, что находясь в США с 1880 по 1895 г., Марти сотрудничал в крупнейших американских и латиноамериканских журналах и газетах и знакомил читателей в том числе и с модной тогда русской культурой. В статье Марти описывает торжества по поводу открытия в Москве памятника поэту, рассказывает о выступлениях Тургенева, Аксакова, Достоевского, Островского и др.*.

* Цитируем эту статью, в оригинале написанную по-английски, по испанскому переводу, опубликованному в сборнике: J. M a r t í. Ensayos sobre arte y literatura. La Habana, 1972, p. 27—35. В скобках указывается страница.

Замечу, что любая журналистская публикация Марти почти всегда превращается в философское эссе, которое раскрывает внутренний мир автора, его жизненную позицию, его кредо. Причем помимо поэтического таланта и присущей гениальным поэтам прозорливости и особой интуиции и чуткости, Хосе Марти обладал талантом философского обобщения своих мыслей, особым даром в краткой, почти афористической форме или метафоре выразить мысль необычайной глубины. Приведу лишь два примера: «*El talento, como una linda mujer, es solicitado, halagado y acariciado. Se le aplasta cuando se rebela: se le adora cuando se somete*» (p. 30) или «*Los poetas son como mares, fluyen y refluyen*» (p. 29).

Некоторые выводы Марти о творчестве Пушкина, содержащиеся в статье, безусловно, отражают точки зрения русских литераторов, речи которых Марти комментирует, однако в статье автор не ограничивается подробным отчетом о выступлениях на праздновании. Марти дает свою оценку поэтического творчества поэта (с которым Марти был знаком по французским и английским переводам), и, опираясь на известные ему эпизоды биографии Пушкина, пытается охарактеризовать его личность. Эти оценки субъективны и подчас нелицеприятны именно потому, что Марти судит русского поэта по своему — *гамбургскому* счету революционера.

Напоминая о том, что П. Мериме назвал Пушкина «первым поэтом своего времени», Марти оценивает то, что было так важно для него самого — вклад Пушкина в освободительное движение в России, и с его точки зрения, в этом отношении Пушкин значительно уступает Байрону. Выводы Марти довольно противоречивы, поскольку выступления на открытии памятника вызвали у него внутреннее несогласие: так, он с недоумением замечает, что все выступавшие на чествовании говорили о том, что Пушкин был убит не Дантесом, а царем. Автор статьи пишет о том, что «жизнь поэта была битвой», и признает, что Пушкин был «человечнее, талантливее... национальнее, чем Байрон», но вот «умереть за родину не смог бы...». Отсюда Марти заключает, что «как поэт Пушкин был выше Байрона, но... не как человек», поскольку «Байрон видел несправедливость и обличал ее, а Пушкин возвысил голос против нее, а затем превратился в камергера и историографа царя и прославлял руку, которая казнила его соотечественников» (с. 27). Впрочем, именно Пушкин, несмотря на то, «что он царил в салонах и был любимцем дам», по словам Марти, «разбудил русский народ», который «только тогда, пробудившись, и стал народом».

Восхищаясь «Маленькими трагедиями», где «национальности проплывают перед его глазами как облака в небе», Марти называет Пушкина «человеком всех времен и всех народов, человеком в сущностном его проявлении, целой вселенной, вместившейся в одной груди» (с. 31). Вывод этот для того времени поразителен, если учитывать то, что именно тогда было известно в Старом и Новом Свете о Пушкине, а главное, что из произведений Пушкина было там переведено. Особо следует отметить, что именно трагическая судьба Пушкина вызвала читательский интерес к его произведениям в Старом и Новом Свете, а в Испании привела к созданию поистине беспрецедентной ситуации. Дело в том, что испанских переводов поэзии Пушкина не существовало до конца 30-х годов XX в., а критическое отношение к его творчеству и высокая оценка его роли в создании самобытной русской литературы и в зарождении освободительного движения России были ясно высказаны уже в начале 70-х годов XIX в. Важным событием в политической жизни Испании стали яркие речи известного и авторитетного в те годы русофила Э.Кастеляра и его первая критическая статья, посвященные Пушкину. Кастеляр, кстати, выступил с речью о Пушкине и в Испанской Королевской академии 25 апреля 1880 г. в связи с торжествами по поводу открытия в Москве памятника.

Во время своей ссылки в Испании молодой кубинский поэт знакомится с европейской литературой, увлекается романтизмом, творчеством Байрона. Несмотря на то, что произведения Пушкина были в те годы доступны читателям только во французских или немецких переводах (они появились уже в 1823 г.), во второй половине XIX в. имя Пушкина становится в Испании знаменем борьбы с деспотизмом. Однако тогда русская литература и творчество Пушкина не привлекают внимания Марти, по-видимому, ему были неизвестны и статьи Кастелара, и с творчеством Пушкина Марти знакомится во второй половине 70-х годов XIX в. сначала в Париже, а затем в Латинской Америке.

Важно учитывать то, что в испаноязычном мире сама жизнь Пушкина в XIX и XX вв. неизменно мифологизируется, в том числе и благодаря романтизации, а точнее, *байронизации* судьбы поэта. В этом отношении весьма характерны «дополнения» к биографии Пушкина в издательских статьях, опубликованных в Испании и Латинской Америке даже в конце XX в. Из них можно было узнать, что Пушкин сражался против турок, а «после сражений с турками» был благодетельствован царем, и «в семейном кругу зажил спокойной жизнью», которую оборвала дуэль. Читателям предлагался новый образ поэта — сломленного нуждой, прирученного и одомашненного Байрона, этот образ представляет нам в своей статье и Марти.

В Латинскую Америку Пушкин *пришел* в эпоху зарождения национальных литератур и короткого торжества революционного романтизма, поэтому в Новом Свете раньше, чем в Испании, появляются переводы вольнолюбивой лирики Пушкина (в прозе) и других произведений поэта. Вообще следует признать, что в Латинской Америке, по сравнению с Испанией, в последней четверти XIX в. и первой четверти XX в. публикуется гораздо больше переводов произведений поэта, причем его творчество представлено разными жанрами, однако поэтических переводов также нет. По упомянутым в статье Марти названиям произведений становится ясно, что он был знаком с драмой «Борис Годунов», «Гаврилиадой», «Маленькими трагедиями» во французском переводе, а поэмы «Руслан и Людмила» и «Бахчисарайский фонтан» и повесть «Дубровский» читал по-английски.

Основной тезис статьи Марти таков: в воздухе России витает предчувствие кровавой революции 89 (т.е. французской), и хотя именно Пушкин приблизил эту революцию — «разбудил народ, поднял страну и вдохнул жизнь в труп», — народ не простил Пушкину того, что он, перейдя на службу царю, «целовал кнут, который прежде пытался сломать».

В традициях романтического мифотворчества Марти описывает жизнь Пушкина, «полную терзаний и соблазнов», представляет его как баловня судьбы и завсегдатая светских салонов, подчеркивает значение дружбы русского поэта с царем, которая принижает его как поэта и гражданина. Марти не раз сравнивает Пушкина с Байроном, настаивая на том, что Байрон мог умереть только молодым, а вот Пушкин сумел состариться, хотя, как известно, он всего на год пережил Байрона. Причина ошибок Пушкина, по мнению Марти, кроется «в чрезмерной (женской) чувствительности поэта, которая почти всегда неизбежно ослабляет данную гению от природы силу» (с. 35), в том, что «как все гении, [Пушкин] был чрезмерно отважен и чрезмерно слаб» (с. 29). Отмечая творческую плодовитость поэта и оценивая творения Пушкина, Марти приходит к выводу о том, что подлинная народность, природная сила, удивительная цельность и гениальность отличают сказки, трагедии и поэму «Руслан и Людмила», и что даже в ранних произведениях Пушкину удалось соединить «байроновское страдание с шекспировской глубиной».

Статья Марти очевидно тенденциозна и имеет ярко выраженную пропагандистски-воспитательную направленность, это статья трибуна-революционера, убежденного в том, что писатели и поэты словом и делом должны служить делу освобождения своей родины от деспотизма. Однако художник все же берет верх над прагматиком-революционером, и поэтому выводы и заключения Марти о творчестве русского поэта гораздо глубже, полнее и тоньше раскрывают особенности творчества Пушкина, чем содержащиеся в современных этой статье работах европейских и, в частности, испанских критиков. Завершая статью, Марти отмечает, что недостаточная мировая известность Пушкина вызвана тем, что писал он по-русски, а достоинство его произведений неоспоримы. «Хвала поэту, — пишет Марти, — не может быть чрезмерной» и отмечает особую красоту слога, глубокую интуицию поэта, его любовь к правде и неподдельную естественность.

Вместе с тем ценность этой статьи в том, что это — откровение молодого Марти, его мысли о роли поэта, о трагедии гения, о его силе и слабости, долге перед народом. Смерть поэта мыслится Марти в романтическом духе как право храбреца, заслуженное борьбой за свободу: «Смерть — это право, которым обладают те, кто посвятил свои жизни правам человека — жизни, исполненные страсти, самоотречения и гордости» (с. 27).

Именно такой и была жизнь и смерть самого Хосе Марти.

Ю.Н.ГИРИН, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН

Вероятно, многие из тех, кто бывал на Кубе, а точнее в Гаване, обращал внимание на невероятное изобилие изображений Хосе Марти. Когда идешь по старой Гаване, то буквально перед каждым домом (а это, в основном, старинные особняки), да и в домах тоже, и вообще на каждом шагу тебя встречают бюсты задумчиво погруженного в себя великого Апостола свободы. И поневоле задаешься вопросом: что же это — культ? Да, это культ, культ великой личности, но только в совсем не привычном российскому сознанию смысле. Латинская Америка — исторически все еще юная, не вполне сложившаяся цивилизация, и, как таковая, она нуждается в мифо-образах-скрепах, интегрирующих ее социально-культурную идентичность. Поэтому она по необходимости творит себе культовые фигуры героев, освободителей, даже тиранов, служащих идентификаторами национальной целостности. Не забудем, что Лопе де Агирре был героем и тираном одновременно, и что великий освободитель Симон Боливар официально носил титул «диктатора». Есть и современные исторические фигуры, отмеченные двойственной — тирано-либертарной типологией. Собственно, культ «героя» совершенно архетипичен: он пронизывает всю мировую культуру. Стоит только заметить, что Латинская Америка — цивилизация особого, пограничного типа, к которому, кстати, принадлежит и Россия. Но культ культу рознь. Список исследовавших этот феномен велик: от Томаса Карлейля до Джозефа Кэмпбелла, включая Фридриха Ницше. Но, пожалуй, в данном случае достаточно будет сослаться на вышедший в 2011 г. в ИМЛИ РАН труд «Культ как феномен литературного процесса», объективно и с разных сторон рассматривающий это явление в разных культурах.

И все же даже в типологическом контексте Куба являет собой случай особого рода. Дело в том, что она, в силу своей островной природы и историко-географического положения «преддверия Нового Света», является самой репрезентативной, модельного типа страной не только Карибов, но и всей Испано-Америки. Она концентрированно содержит в себе многие наиболее релевант-

ные коды латиноамериканского мира. Более того: как это ни покажется странным, именно маленькая Куба оказывается наиболее близкой России страной. Казалось бы, наши две страны в географическом и этнографическом отношениях несоизмеримы, но у нас такие общие судьбы, что, действительно, «бывают странные сближенья»... И дело даже не в общественно-политических обстоятельствах, сведших нас вместе в одном фокусе во времена Карибского кризиса. Куба, как и Россия, является регионом, отмеченным особым статусом и особой историко-культурной ролью — служить мостом между мирами.

Отсюда возникает общий для данной ситуации специфический комплекс проблем, составляющий определенную альтернативу западной, или западноевропейской картине мира. Россия, со своей стороны, при всей имперскости ее геополитических притязаний в действительности никогда не была целостным организмом, полнокровным государственным телом. Мы всегда жили и живем в топосе своеобразного *más allá* и все продолжаем искать несуществующую «национальную идею». Уже стала общим местом мысль о том, что Россия послужила опытным образцом для реализации западных дискурсов об Ином — впрочем, эта идея по-своему была высказана еще Чаадаевым. Оттого у нас никто не равен себе, мы по-настоящему не знаем ни понятия индивидуальности, ни понятия гражданского общества, зато мы все тщимся воплотить какую-то несбыточную инаковость бытия, все мучимся зряшными поисками национальной идеи, которая и нужна только для того, чтобы заполнить дефицит национальной идентичности. Поэтому наша аморфность, наша несостоятельность выливаются в векторную самоотрешенность, в утопизм, в эсхатологизм, в самообольщение мессианства, и вся коммунистическая история России была прямым продолжением ее национальной судьбы, а вовсе не отклонением от нее.

Но буквально теми же словами можно описать и латиноамериканскую ситуацию. Именно фактическое отсутствие исторической основы собственного бытия, «культурная дисконтинуальность» (Мариано Пикон Салас) побуждают латиноамериканское сознание к самопроецированию (самовыбрасыванию, самоизвержению, производству) за пределы наличного измерения, к самоидентификации с образом будущего или, что то же самое, к «историческому конструированию нашей утопии»*. Поэтому, как полагает исследователь, «внутреннее ощущение пустоты обращается в императив», нереализованные ожидания преобразуются в мощный мифогенный пласт утопических построений**. Следовательно, мифотворчество здесь оказывается продолжением описания себя же — но уже вне себя, за пределами себя, т.е. там именно, где это подлинное, искомое «я» только и может находиться. Парадоксальным образом самоинтерпретационная тенденция обуславливает и особую релевантность документа, который в этой функции приравнивается к вымыслу, инструментально коррелирует с воображением. По-видимому, этой «логике мифа» подчиняется и такой специфический фактор, как «магизм» (он же «чуждестность», он же «мифологический реализм» и пр.) латиноамериканской литературы. Причем в применении к Кубе характеристики сгустятся многократно — этим и объясняется радикальность ее историче-

* A. P i z a r r o. El imaginario de futuro en la literatura latinoamericana. — De ostras y caníbales. Ensayos sobre la cultura latinoamericana. Santiago de Chile, 1994, p. 99.

** См.: E. V o l e k. José Martí, ¿fundador de Macondo? — Trascendencia cultural de la obra de José Martí. Actas del Simposio Internacional. Universidad Carolina de Praga, 2003, p. 34, 35.

Все цитаты даны по изданию: J. M a r t í. Obras completas en 27 tomos. La Habana, 1963—1966). Переводы Ю.Гирин.

ского пути, особость ее ментальности и культурного самосознания. Куба — остров; утопизм и привычка вписывать себя в метафизическое измерение, в котором и реализуется жажда Иного, как раз в традициях кубинской культуры.

Марти с его гениальной интуицией несомненно ощущал родство культурно-исторических судеб Кубы и России. «Русский народ обновит мир», утверждал он, но и кубинцы, в утопической космологии Марти, призваны были дать миру «новых людей». Он и был этим «новым человеком», вживе явив создаваемый им идеал. Марти воплотил в себе то, что в России принято называть «совестью нации». Можно даже сказать, что он вписывается в типологию «интеллигенции» в его российском смысле — как воплоитель чаяний всего общества, взявший на себя ответственность за его судьбу. Он, несомненно, видел в себе, в своей личности, идентификатора национально-го самосознания и потому осознанно создал традицию национального самосозидания посредством культуротворчества. Идеальная, «всечеловеческая» личность и должна была стать основой справедливого мироустройства, воплощению которого Марти посвятил свою жизнь.

Высшим смыслом жизни Марти было доказать, что латиноамериканец достоин не просто свободы и счастья, но поистине славного будущего, и что он, в принципе, обладает силами и возможностями для создания утопически прекрасного бытия. Но для этого требуются люди особой нравственной формации. Личность такого типа Марти и воплотил в себе самом, став осуществленным символом своих идей, образцом будущего человека Америки. В сознании Марти в полном соответствии со взаимообратимой схемой «идеальная личность — идеальный народ — идеальное человечество» возникала убежденность в провиденциализме кубинской нации. Потому-то Марти, которого вскоре стали называть «образцовым кубинцем» («el cubano ejemplar»), Апостолом, мог писать: «я чувствую в себе благородство всего рода человеческого». (XXII, 54). Итак, человек, «кубинец», который в духовном своем совершенстве соизмерим с будущим человечеством, которое предстоит создать, и составляет глубокий пласт представлений, заключенных в идеологии Хосе Марти.

Е.В.ОГНЕВА, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического факультета МГУ

Говоря о созвучии творчества Хосе Марти иным культурам, нельзя обойти стороной вопрос о том, как слово (да и сам образ!) Хосе Марти отзывается в кубинской культуре. Я коснусь лишь одного частного аспекта этой проблемы, но аспекта весьма показательного.

Хосе Марти и Алахо Карпентьер оба были «вдвойне кубинцами», если использовать меткое выражение самого Карпентьера. И это звучит не столько парадоксально (если вспомнить испанское происхождение Марти и русско-французские корни Карпентьера), сколько символично: оба они были кубинцами по духу, ощущая себя плотью от плоти этого прекрасного острова. Оба писателя много размышляли о сущности мироустройства, придавая поэтический смысл слову «universo». Хосе Марти выводил для понятия «universo» поэтическую этимологию, подразумевая единое в различном, различное в едином. Это мироощущение близко и Карпентьеру — недаром сборник его статей так и называется «Tientos y diferencias» («Сходства и различия»). Да и особое «переживание времени» роднит писателей. Оба остро ощущали трагическое несовпадение краткости времени «человеческих свершений» по сравнению с вечностью, для обоих оценка этих свершений «из будущего» была важна.

История литературы знает множество примеров непосредственного влияния одного автора на другого, когда воздействие авторитетного учителя на философские построения и/или поэтику талантливого ученика очевидно, их можно подкрепить цитатой из романа или поэмы. Зачастую благодарный ученик сам демонстративно заявляет о том, что заимствуется у великого предшественника: такова позиция Хулио Кортасара по отношению к Хорхе Луису Борхесу, Марио Варгаса Льосы — к Густаву Флоберу и создателям рыцарского романа, Габриэля Гарсиа Маркеса — к Фолкнеру.

С проблемой преемственности, когда речь заходит о творчестве двух великих кубинцев — Марти и Карпентьера, дело обстоит несколько иначе. Здесь речь можно вести об определенном «созвучии» их художественных миров. В качестве некоего общего знаменателя подошли бы слова Достоевского о Пушкине — «всемирная отзывчивость»: эта способность роднит Марти с другими выдающимися фигурами. Мы можем говорить об особом типе творческой общности, которая иногда связывает писателей, поэтов, художников и музыкантов, живших в разное время: такую общность Шарль Бодлер уподоблял вспышкам вереницы маяков, свет которых проходит, переключаясь, через века. Речь идет прежде всего об общности гуманистических устремлений, о сформулированном и несформулированном идеале и поисках пути к нему. В этом смысле образ Марти на страницах карпентьеровских текстов как раз и подобен вспышке такого путеводного маяка.

В какой связи имя великого предшественника появляется в статьях, эссе и лекциях Алехо Карпентьера? Разнообразие этих контекстов говорит само за себя. Карпентьер, отдавший более половины жизни служению журналистике, считал эту профессию высоким образцом служения человечеству — миссией «летописца своего времени». Он называет Хосе Марти выдающимся хронистом своей эпохи. Но журналист не просто работает для своих современников, замечает Карпентьер, он, как ни парадоксально это звучит, поставляет материал для искусства будущего, готовит почву для великого романа, который будет написан впоследствии — неважно, им самим или его потомками. (Это образчик саморефлексии Карпентьера, связь публицистики которого с его романным творчеством — хорошо известный литературный факт.) Вот здесь писатель и задается вопросом: может ли публицист, работающий с документом, не потерять свой собственно-художественный, индивидуальный стиль? И вновь, обращаясь к примеру Марти, отвечает: да, ему это удалось. Более того, нелегкое ремесло журналиста не только «не испортило его стиль», но и обогатило его более полным пониманием мира.

Называя стиль Марти барочным, Карпентьер на свой лад освещает авторитетом великого предшественника свою концепцию латиноамериканской культуры и латиноамериканского бытия вообще. У Карпентьера, как известно, понятие барочности ассоциируется с особым типом мироощущения, постоянно присущим культуре Латинской Америки, которая ставит перед собой задачу «поиска слов» для описания многокрасочной, причудливой, «избыточной» действительности континента, словно бросающей вызов рациональному способу постичь ее. И вот, с его точки зрения, публицистика Марти — прекрасный образец барочной прозы, отражающей барочную действительность.

Не раз Карпентьер говорит и об энциклопедизме Хосе Марти — качестве, которое представляется ему неременным условием для овладения «всечеловеческой», универсальной культурой, столь необходимого современникам Карпентьера, создателям «нового латиноамериканского романа». Это, в свою очередь, залог того, что латиноамериканское искусство будет вписано в общий культурный контекст человечества.

Под пером Карпентьера возникает и разговор о преемственности поколений. Учиться у Марти можно многому, утверждает он в лекции «Разглядеть человека Америки» (1975). Пророческие слова Марти о двух причинах, породивших «революцию американских народов» (торжестве «нового духа» и «нехватке путей» для реализации его «пылкой деятельности»), написанные в 1888 г., могли бы быть, по утверждению Карпентьера, сказаны и в 20-е годы XX в., когда сам молодой Алехо подписывал манифест группы минористов, — и в 1958 г., когда Куба стояла перед лицом исторического выбора. Так слова Марти заставляют перекликаться исторические эпохи и поколения людей.

К бодлеровскому образу «маяков» Карпентьер прибегнет еще раз, когда будет говорить уже собственно о литературе, о миссии писателя. По-прежнему актуальны и значительны слова Марти, написанные им в 1877 г. в письме журналисту Валеро Пухолью о задачах писателя: много работать, возвеличить Америку, изучить ее силы и открыть ей глаза. Их мог бы произнести и «молодой романист призыва 70-х годов», и сам Карпентьер, которому были близки образы общей судьбы Латинской Америки и неустанного труда как способа приближения будущего, и представление о миссии писателя, «открывающего глаза людям».

Поиск карпентьеровских «ответов» на слова Марти, спонтанного, не всегда осознаваемого эха в его повестях и рассказах может стать предметом для целого корпуса научных исследований. Повинуясь логике своего развития, каждая эпоха сумеет «вычитать» наиболее интересные для нее совпадения и вариации. Даже при первом прочтении можно найти множество точек соприкосновения. Плодотворным может быть исследование того, как функционируют в художественном сознании Марти и Карпентьера излюбленные общие для них метафоры и мифообразы. Например, как и для Марти, который в свое время писал о том, что его родная земля приурочена стать местом великого праздника народов, для Карпентьера огромное значение имеет образный мотив праздника — сакральный по своему генезису — и связанный с ним символический мотив театра. Праздник барочного согласия — карпентьеровский идеал, воплощенный в повести «Концерт барокко» (1975).

Театр и связанные с ним мотивы мобилизующего или, наоборот, недолжного действия — поистине ключевая метафора карпентьеровского творчества. Этому Действу в поэтике Карпентьера противостоит образ высокого Деяния. В ходе эволюции творчества писателя Деяние перестает восприниматься как бремя, как сизифов камень, и в романах 70-х годов XX в. у него возникает образ «поэзии деяний» («*poesia en actos*»), по смыслу близкий к тому, о чем писал Хосе Марти в 90-е годы века XIX. Здесь любопытно даже текстуальное совпадение: мечта о земной гармонии у Марти принимает форму «хора миров» («*el concierto de mundos*»). В эти годы образ поэзии и деяния у Марти соединяются, и в стихотворении «К слову» появляется зачин «Я — арфа...» («*Arpa soy...*»).

Именно символический образ арфы и станет для Карпентьера в конце его жизненного пути связываться с тем грандиозным деянием, которому мы обязаны открытием Америки. В романе «Арфа и тень» (1979) фигура Христофора Колумба будет ассоциироваться с рыцарским началом — с тем идеалом, который еще Марти сформулировал в стихотворении «Мой рыцарь» («*Mi caballero*»). В поэзии Марти и прозе Карпентьера сходным образом выстраиваются даже цепочки ассоциаций: Христофор Колумб — и св. Христофор, на плечах которого груз всего мира, и новый Дон Кихот, «*caballero andante del mar*», чьи качества и противоречия определили судьбу открытых им земель...

Вера Алехо Карпентьера в смысл человеческих свершений, в их «поэзию», которая оценивается только из будущего, не оставляла писателя до самого конца. А ведь его действительность — XX в. — и была тем загадочным и славным «грядущим», в котором отозвалось и вспыхнуло, как свет маяка, слово его соотечественника Хосе Марти.

**М.В.СИМОНОВА, кандидат филологических наук, доцент Университета
Высшей школы экономики**

Первое знакомство советского читателя с творчеством Хосе Марти происходит 28 января 1953 г., когда в Москве в Центральном Доме работников искусств проходит вечер в честь памяти Хосе Марти. А позже выходят анонимный перевод рассказа «Черная кукла» и ряд критических статей и заметок, приуроченных к 100-летию со дня рождения поэта, например, краткая биографическая справка о нем в разделе «Знаменательные культурные годовщины, отмечаемые в 1953 г.» в журнале «Молодежь мира».

В 1956 г. в московском «Издательстве художественной литературы» выходит первый и наиболее полный сборник «Избранное Хосе Марти»*. Он знакомит с небольшим количеством стихотворений — меньше всего стихотворений переведено из сборника «Свободные стихи» (9 из 44) и «Цветы изгнания» (7 из 48). Разделы «Другие стихи» и «Письма в стихах» никак не представлены в сборнике. Предисловие и комментарии в «Избранном» написаны В. Столбовым, «которому и принадлежит заслуга введения художественного творчества великого кубинца в читательский обиход наших соотечественников» (Ю.Н.Гирин). В.С.Столбов, в первую очередь, характеризует Марти как представителя «нового поколения кубинских писателей, вдохновленных великой борьбой народа».

В первом «Избранном» представлены переводы Ф.Кельина, Л.Мартынова, О.Савича, В.Журавлевой, И.Тыняновой и П.Грушко. Основная часть стихотворений, представленных в сборнике, носит патриотический или революционный характер («*Banquete de tiranos*», «*Isla famosa*», «*¡10 de Octubre!*», «*El enemigo brutal*» и др.). Находим небольшое количество стихотворений о любви — авторский блок «Стихи любви» представлен лишь одним стихотворением «*Y te busqué...*».

Вторая часть сборника включает в себя переводы прозы Марти. Первыми переводчиками прозы были: Н.Трауберг, А.Луарье, С.Мамонтова и др. Многие статьи, опубликованные в этом сборнике, не переиздавались, например: «Вашингтонский межамериканский конгресс (его история, основы и тенденция)» в переводе Е.Феерштейна, «День Хуареса», «Кубинский театр» и др. в переводе Р.Похлебкина.

В 1963 г. в «Государственном издательстве художественной литературы» выходит сборник под названием «Хосе Марти. Североамериканские сцены», в котором представлены некоторые статьи, написанные поэтом во время пребывания в Америке. Наряду с известными переводчиками появляются новые — П.Глазова, Р.Линцер и др. В 1974 г. — время активного знакомства русских читателей с латиноамериканскими литературами — выходит второй сборник переводов поэзии и прозы Хосе Марти «Хосе

* В полном собрании сочинений Марти на испанском языке поэтическое наследие автора представлено тремя томами, включающими в себя следующие сборники: «Исмаэлильо» (*Ismaelillo*), «Простые стихи» (*Versos sencillos*), «Свободные стихи» (*Versos libres*), «Цветы изгнания» (*Flores de destierro*), «Стихи любви» (*Versos de amor*), «Письма в стихах» (*Cartas rimadas*), «Разные стихи» (*Versos varios*), стихи из журнала «Золотой возраст» (*Versos en «La Edad de Oro»*), «Случайные стихи» (*Versos de circunstancias*), «Другие стихи» (*Otras poesías*), «Отрывки и незаконченные стихи» (*Fragmentos y poemas en elaboración*).

Марти. Избранное» (М., «Художественная литература»). В него вошли не только уже известные переводы, но и новые версии опубликованных ранее произведений. В «Избранном» 1974 г. появляется больше переводов из раздела «Свободные стихи». В 1978 г. выходит третий сборник «Избранного. Хосе Марти». В основном в этой книге представлены те же переводы, что и в книге 1974 г., однако есть несколько новых переводов, не печатавшихся ранее: «Мой хмурый доктор, понимаю...», «Заживо сдавшийся смерти...», и «Мой друг рисует на холсте» в переводе С.Гончаренко, а также несколько стихотворений в переводе Б.Дубина.

В 1995 г. издательство «Художественная литература» выпускает небольшой сборник (25 стихотворений) «Хосе Марти. Стихи». В нем представлены ранее опубликованные переводы. В 2011 г. в московском издательстве «Водолей» С.Александровский публикует свои переводы в сборнике «Средь сумерек и теней». Переводы Александровского отличаются свободным стилем и порой не соответствуют тексту оригинала.

На сегодняшний день существует шесть сборников переводов поэзии и прозы Марти. Что касается критических работ, посвященных его творчеству, т.е. ряд исследований, проведенных не только российскими и советскими учеными, но и переводы, как правило, испанских работ, посвященных Марти, например: книга кубинского историка и публициста Эмилио Леучсенринга «Хосе Марти — антиимпериалист» (М., 1962) и монография Хуана Маринельо «Хосе Марти — испаноамериканский писатель. Марти и модернизм» (1964 г.). Следует отметить, что большинство сочинений знакомят читателей с биографией Марти, делая основной упор на его революционную деятельность.

С 1959 г. выходят статьи, монографии и диссертационные сочинения, посвященные разным аспектам деятельности Марти: О.С.Терновой знакомит читателей с общественно-политическими и философскими взглядами Марти в кандидатской диссертации «Общественно-политические и философские взгляды Хосе Марти» (Минск), выходит диссертация А.Г.Гидони на тему «Хосе Марти — мыслитель-революционер» (Ленинград, 1964 г.), диссертация А.П.Короченского «Публицистика Хосе Марти (1853—1895 гг.)» (Белгород, 1998 г.).

Очень мало работ посвящено Марти-педагогу (это статьи Э.К.Гаркуновой «Духовная общность. Педагогические воззрения Хосе Марти и К.Д.Ушинского» (2003 г.) и «Педагогические взгляды Хосе Марти» (2008), а также Марти — редактору детского журнала «Золотой возраст» — это статьи Э.Носовой «Быть полезным — намного лучше, чем быть принцем» («Детская литература» (1970 г.), а также статья «Эстетические взгляды Хосе Марти и детская литература» в книге «У истоков прогрессивной литературы Латинской Америки» (М., 1978).

В 2003 г. в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН проходит «круглый стол» под названием «Наследие Хосе Марти и современный цивилизационный кризис», посвященный 150-летию со дня рождения Марти. В том же году на Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже был представлен проект ««Всемирная солидарность» памяти Хосе Марти», в котором председатель Национальной комиссии Кубы по делам ЮНЕСКО представил план по популяризации учений Марти «в качестве эстетической и политической основы, позволяющей обогатить в современном мире понятия суверенитета, социальной справедливости, солидарности, права и мира».

С конца 70-х годов в журнале «Латинская Америка», а также в других изданиях начинает печататься один из самых известных специалистов по творчеству Марти — Ю.Н.Гирин. Большинство его работ и кандидатская диссертация «Поэзия Хосе Марти (Эстетические основы, образная система)» (М., 1987 г.) пред-

ставляют собой комплексное литературоведческое исследование поэтического наследия Марти. Ю.Н. Гирин пишет о том, что до 1959 г. «не было полных, объективных работ, посвященных творчеству и принципам мировоззрения Хосе Марти, а существовал ряд бессодержательных панагериических писаний, эрудированные работы идеалистического толка и спекулятивные рассуждения лидеров реакционных режимов разных стран мира, и в первую очередь извращенные интерпретации кубинских и североамериканских идеологов». Автор критикует ряд работ за их «однобокость», а иногда и несоответствие истине. В 2002 г. выходит монография Ю.Н.Гирина «Поэзия Хосе Марти» (М., РАН), а в 2010 г. — испанская версия «Poesía de José Martí» (Гавана).

Несмотря на постоянный интерес к творчеству великого кубинца, все же его труды очень скудно представлены на русском языке: на сегодняшний день переведены чуть более 200 стихотворений (его поэтическое наследие составляет около 350 стихов). Меньше всего переведены стихотворения из сборников «Цветы пустыни», «Стихи любви», «Разные стихи», остается непереуведенным блок «Другие стихи». Проза представлена намного меньше — 65 очерками, как правило, идейно-политического содержания, тогда как только с 1880 по 1892 г. Марти опубликовал более 400 статей. Следовательно, можно сказать, что он более или менее знаком русскоязычному читателю как поэт, но не как великолепный оратор и публицист. Что касается критической литературы, то на сегодняшний день вышло 135 работ, из них 5 диссертаций и 9 монографий.

К сожалению, скупость критических материалов, переводов его творчества, отсутствие фундаментальных исследований, охватывающих его многогранную и интереснейшую личность, не дает нам полного представления о Хосе Марти — философе, революционере, поэте, прозаике, публицисте, переводчике, журналисте, педагоге, ораторе, дипломате и т.д.

А.А.ШАМАРИНА, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иберо-романского языковедия филологического факультета МГУ

В статье 1933 г., посвященной выходу первого полного собрания стихотворений Бориса Пастернака, Марина Цветаева скажет: «Все поэты делятся на поэтов с развитием и поэтов без развития. На поэтов с историей и поэтов без истории»¹. Действительно, есть поэты, «я» которых формируется на самом раннем этапе творчества. И есть поэты пути, пребывающие в постоянном движении, которые, по словам Цветаевой, почти никогда не бывают чистыми лириками: «Они слишком велики по объему и размаху (...). Человеческое «я» становится «я» страны — народа — данного континента — столетия — тысячелетия — небесного свода...»².

Поэзия Хосе Марти, самым тесным образом связанная с жизнью и историей кубинского народа, уходит корнями в испанскую литературу, сочетая непримиримость Франсиско де Кеведо и тонкую лиричность Густаво Адольфо Беккера. И она же оказывает существенное влияние на испанскую поэзию XX в. С одной стороны, это влияние опосредованное, через поэзию Рубена Дарио, одного из самых преданных поклонников творчества Марти, которого сам поэт назовет своим «сыном» во время встречи в Нью-Йорке в 1893 г. С другой — это влияние поверх всех существующих теорий и практик, непреодолимое очарование личности Марти, его поэтической честности и прямоты.

Из круга испанских писателей и поэтов, так или иначе рассматриваемых в контексте их связи с модернизмом, предтеч и отцом которого часто называют Марти, только Мигель де Унамуно и Хуан Рамон Хименес не просто свидетельствуют о своем знакомстве с творчеством кубинца, но и

открывают его поэзию для испанского читателя. Унамуно посвящает Марти несколько статей («О свободных стихах Марти», «Письмо о Марти» и «О стиле Марти»), а Хименес говорит о нем как о «самом прямом, самом тонком, самом личном, самом национальном и самом универсальном»³ поэте, называя его «другом всех испанцев, выступающих против той Испании, которая выступает против Марти», имея в виду себя, Антонио Мачадо и Мигеля де Унамуно. Несмотря на отсутствие очевидных свидетельств того, что Мачадо был знаком с творчеством «апостола кубинской свободы», на наш взгляд, наиболее типологически близкой поэзии Хосе Марти оказывается поэзия Антонио Мачадо⁴.

Хосе Марти и Антонио Мачадо — две величины испаноязычной литературы, в творчестве которых нашли образец для подражания поэты и писатели последующих поколений. Это, несомненно, «поэты с историей», причем речь идет как об истории народа (испанского, кубинского), с которой неразрывно связаны жизненный и творческий путь каждого из них, так и об истории внутренней, «малой», истории становления личности как поэта и поэта как личности. При этом поэзия Марти, как и поэзия Мачадо, не может быть понята в контексте лишь одного литературного направления. Как Марти, так и Мачадо — это поэты-просветители, поэты-романтики, поэты-модернисты как в узком испанском, так и в общеевропейском значении, в творчестве которых можно найти отголоски самых различных течений. Тем не менее каждый из них выбирает себе свой путь, который диктуют ему его собственные представления о том, какой должна быть поэзия.

Мачадо, считающий, что в основе поэзии лежит диалог души с миром, сближается с Марти в вопросах принципов создания лирического произведения и модулирования звучащего в нем голоса. В предисловии к «Свободным стихам» (1878—1882) Марти пишет: «Вот мои стихи. Такие, как есть... Я их ни у кого не заимствовал. (...) Поэзия должна быть честной, и я всегда хотел быть честным до конца. Кропать стихи, как другие, я умею, но не хочу. У каждого человека свой облик, у каждого поэтического вдохновения свой язык»⁵. Эта поразительная честность перед самим собой, восприятие поэзии как высшей формы искренности — вот что роднит обоих поэтов. Хосе Ортега-и-Гассет писал, что если Рубен Дарио спас «тело стиха», вернул ему «эстетическое самочувствие — ничем не ограниченную выразительную силу», то миссия Мачадо, на раннем этапе творчества находившегося под сильным влиянием модернизма Дарио, заключалась в том, чтобы вернуть стиху душу⁶. И сделал он это абсолютно так же, как до него сделал Марти, — вложил в них свою. «Стихи — частицы моего сердца — мои воины. Ни одно стихотворение не вышло у меня подогретым, надуманным, вымученным, мои стихи подобны слезам, брызжущим из глаз, фонтану крови, бьющему из раны»⁷, — писал Марти. Это — та самая «поэтическая метафизика», без которой, по мнению Мачадо, не может быть настоящего поэта.

Оба — и Хосе Марти, и Антонио Мачадо — видят себя странниками, следующими тернистой тропой поэзии. В самом, пожалуй, известном стихотворении Марти. «Человек прямодушный» («Yo soy un hombre sincero»). перед нами предстает лирический герой — многое повидавший, вымученный опытом путник, жизнь которого представляет собой непрерывное странствие: «Yo vengo de todas partes. / Y hacia todas partes voy: / Arte soy entre las artes, / En los montes, monte soy» («Прихожу отовсюду, как чувство, / Уношусь в любые края. / С искусствами я — искусство. / На вершинах — вершина и я»⁸). Лирический герой книги Мачадо «Одиночества. галереи и другие стихотворения» (1907) — такой же странник, отшагавший тысячу дорог, собиратель впечатлений: «He andado muchos caminos, / he abierto

muchas veredas, / he navegado en cien mares / y he atracado en cien riberas» («Я прошел немало тропинок / и немало дорог измерил. / По каким морям я не плавал. / на какой не ступал я берег!»)⁹. При этом в творчестве обоих поэтов с мотивом пути соотнесена идея одиночества и — одновременно — диалога с миром. Марти в стихотворении «Как масло из расколотой лампы...» («Cual de incensario roto...») из сборника «Цветы изгнания» (1885—1895) утверждает: «Ya no me aflijo, no, ni me desolo / De verme aislado en mi difícil lucha, / Va con la eternidad el que va solo, / Que todos oyen cuando nadie escucha» («Уже не плачу, разводя руками — / Борюсь один! И вот он, мой устав: / Кто одинок — беседует с веками, / И внемлют одинокому, не вняв»)¹⁰. Показательно, что в схожем по духу исповедальном стихотворении Мачадо «Портрет» («Retrato») из книги «Поля Кастилии» выход за пределы своего одиночества, «самозамкнутой» индивидуальности также решается путем обращения к трансцендентному: «Converso con el hombre que siempre va conmigo / — quien habla solo espera hablar a Dios un día» («Монолог у меня был всегда диалогом. / «Что есть истина?» — сам я постигнуть стремился. / Жил в смиренной надежде беседовать с Богом, / и любви к человеку у себя я учился»)¹¹.

Напоследок хотелось бы отметить еще одну особенность творчества Хосе Марти и Антонио Мачадо — удивительную открытость миру, глубокое переживание за судьбу своей страны. В стихотворениях Марти звучит призыв к кубинскому народу, его поэзия самым тесным образом связана с его революционной деятельностью. Гражданская позиция Мачадо также находит отражение в его поэзии. Уже в сборнике «Поля Кастилии» (1912) поэт демонстрирует совершенно особое отношение к Испании — сочетание рефлексии и сострадательной любви, в то время как в его поздних стихотворениях начинают звучать отголоски Гражданской войны, что неудивительно, поскольку свой «путь» Мачадо, как и Марти, не мыслит в отрыве от Родины. Таким образом, «история» обоих поэтов неотделима от истории Кубы и Испании, их творчество невозможно рассматривать вне испаноязычной культурной парадигмы, а их поэтический путь и есть та самая дорога, следуя по которой, иберо-американская литература шагнула в XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М.И.Цветаева. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. — Собр. соч. в 7 т., т. 5. М., 1994, с. 398.

² Там же, с. 400.

³ Цит. по: En un domingo de mucha luz: Cultura, historia y literatura españolas en la obra de José Martí. Salamanca, 1995, p. 304.

⁴ См.: C.C.Rodríguez-Puértolas. Machado y Martí. — En torno a José Martí. Coloquio Internacional. Bordeaux, 1974, p. 457—477.

⁵ Цит. по: Х.Марти. Избранное. М., 1978, с. 64.

⁶ Х.Ортега-и-Гассет. Стихи Антонио Мачадо. — Восстание масс. М., 2002, с. 502.

⁷ Цит. по: Х.Марти. Указ. соч., с. 64.

⁸ J.Martí. Poesía. — Obras completas, t. 16. La Habana, 1964, p. 63. Русский перевод см.: Х.Марти. Указ. соч., с. 95.

⁹ A.Machado. Poesías completas. La Habana, 1975, p. 82. Русский перевод см.: А.Мачадо. Полное собрание стихотворений. 1936. СПб., 2007, с. 9.

¹⁰ J.Martí. Poesía, p. 248. Русский перевод см.: Х.де Касаль. Марти Х. Среди сумерек и теней: Избранные стихотворения. М., 2011, с. 235.

¹¹ A.Machado. Poesías completas, p. 137. Русский перевод см.: А.Мачадо. Полное собрание стихотворений, с. 108.